

Лес встречал Жазона Пети туманной дымкой между стволами огромных буков и мягкой влажной травой под ногами. Он любил обход владений своего шателена в эту раннюю пору, когда громада леса, словно сказочный великан, не торопясь сбрасывает с себя оковы сна.

Внезапно до слуха егеря донесся громкий треск из кустов в пятидесяти туазах от него. От неожиданности он задел крупную ветку и та обрушилась на него целый дождь, едва не потушив тлеющий фитиль аркебузы и промочив шаперон. Жазон гневно выругался, но тут шум повторился снова, и судя по всему, его издавало весьма крупное существо. Гнев сразу же пропал, уступив место осторожности. Это мог быть медведь, волк или крестьянин, решивший поохотиться в запретных владениях. В лесах Рудуана, по слухам, водились волки до одной вержи в холке, чудовищные создания, приводящие в ужас целые деревни. Жазон мало верил в подобные истории и расскажи ему об этом вечером перед теплым очагом и с кружкой эля в руках, он бы только рассмеялся в ответ. Однако в огромном лесу эти непрошенные мысли будто сами лезли в голову и егерь крепче прижал к себе аркебузу, проверил порох на затравочной полке и мерцающий огонек фитиля. Чтобы оно ни было, оно подходит все ближе, и он не даст застать себя врасплох.

Но из кустов боярышника, вопреки опасениям, показалась не оскаленная волчья морда. Оттуда вышел олень, благородное и стройное животное, убивать которое во владениях Сержена было строжайше запрещено любому простолюдину. Жазон с облегчением опустил оружие, но в тот же миг, пока он еще даже не осознал, в чем дело, страх скрутил его живот. В оленье было что-то чудовищно неправильно. Он шел не от, а на человека, словно не замечая ничего вокруг. Приглядевшись, егерь к своему ужасу увидел, что под оленьим брюхом по земле, словно огромные черви, волочатся пучок серых кишок с болтающимся желудком. Ни одно животное не могло не то, что идти с такой раной, оно не могло жить с ней. Замолкли птицы. Спотыкаясь, олень приблизился еще на десять туазов, затем медленно и без всякого звука повернулся к егерю другой стороной украшенной обломанной короной морды. Стало видно, что мясо и кожа на ней изъедены червями. Чем бы не было это создание, оно мертво, оно должно быть мертвым и лежать в земле, а не расхаживать по ней. Дыхание егеря участилось, а сердце, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Еще ни разу он не испытывал такого страха, как сейчас, видя это извращение над волей Отца в тихом, цветущем летнем лесу. По его спине градом лил ледяной пот, ноги и руки дрожали, словно в лихорадке. Забыв об аркебузе, Жазон Пети, маленький Жазон, побежал так, как не бегал никогда в жизни.

В Сен-Жармон пришел Мор.

Как мне описать ужасы Мора словами? Это также невозможно, как и описать нашим скудным языком блаженство праведников при встрече с Отцом, Сыном и Дочерью. Ужасное, непостижимое бедствие - вот что такое Мор. От него нет спасения. Чудовищные конструкторы, восстающие из мертвой плоти - и никогда не

знаешь, чем обернется очередное порождение. Я слышал рассказы о мертвом младенце, который хотел сосать мать, о черепе волка, передвигающегося на кучедохлых ворон, об огромной горе мертвецов выше замковой куртины, о уродствах с тысячами голов, рук, ног и крыльев. Никогда не знаешь, чего тебе ожидать, когда кости начинают шевелиться в земле. Крестьяне покидают деревни и укрываются за каменными стенами своего синьора, ибо те, кто идет к ним, не ведают жалости и милосердия. Порой отважный Жак сражает мертвеца одним ударом, а бывает что и рыцари обращаются в бегство, бессильные навредить. Что же это, наказания за наши грехи или причудливый каприз мироздания? Разгадаем ли мы эту богохульную тайну?

Аббат Жан дю Монкурбье, 980 год от Битвы Четырех Королевств

Невероятно, но могущество инкус-ратота действительно имеет власть над смертью. Даже несмотря на все увиденное мной, я не мог поверить до конца, что он способен удержать дух внутри плоти, но он сделал это. Спас её, как и обещал. Её тело, сосуд души, умерло, но сама душа продолжила обитать там же, где жила всегда. Кажется, в первые минуты после ритуала она ощущала это как пробуждение ото сна. Ужасное осознание пришло к ней позже, а я тем временем успел прикоснуться к её холодным устам и груди, где не было слышно стука сердца. Я дрожал как в лихорадке одновременно от радости и от омерзения, что преступил все законы богов, не отдав им причитающееся. Постепенно она поняла, что я не отдал её Хивтону и что она не плывет по реке забвения. Она не может дышать и говорить и только смотрит на меня остекленевшими глазами, которые больше ничего не выражают, двигаясь отрывисто, словно в судорогах. Наверное, какая-то часть её пневмы в печени навсегда умерла и горло теперь не пропускает воздух. Знаний, что у меня есть об устройстве тела не хватает понять все тонкости неномона кроме его несомненного могущества. Мне пришлось оставить её одну, а когда я вернулся спустя несколько часов, она начертила на песке мольбу об упокоении. Несчастливая Агата. Разве не понимает она, что я никогда не отпущу её от себя? Она пыталась разбить себе голову и теперь на её виске рана, которой не суждено исцелиться. Пришлось связать её, на время, разумеется, пока она не свыкнется с мыслью о том, что её земной путь не окончен. Чувствует ли она боль? Ощущает ли мои прикосновения? Я пытаюсь быть нежным, но холод её бескровного тела пугает. Инкус-ратот говорит, что её надо оставить под полуденным зноем на то небольшое время, пока тень от солнца не минует два дактиля на скифосе. Затем его надлежит обмыть теплой водой и тогда я смогу снова ощутить её близость.